

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

УДК 339.9

DOI: 10.26456/2219-1453/2024.2.266–275

НАЗАД К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ?

В.П. Фёдоров

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Одинцово, Россия

Статья рассматривает движение в экономической науке России по восстановлению политической экономии как официальной нормы теоретизирования. Целью работы является оценка научной обоснованности и целесообразности вытеснения *Economics* её ныне монопольных позиций. Научная новизна представлена выдвинутой автором новой концепции субсидиарных научных парадигм и авторским предложением – не возвращаться к бренду *Политическая экономия*, а обозначить научную платформу как *Экономическая политология*.

Ключевые слова: политическая экономия, *Economics*, научная парадигма, экономическая политология.

Назад к политической экономии? Идея обратного ребрендинга экономической теории с *Economics* на *Политическую экономию* стала весьма популярна в российской экономической литературе [3, 4, 6, 9]. Разумеется, речь идёт не только и не столько о смене названия. Суть идеи состоит в заявке на смену парадигмы экономической теории в России. Всё больше экономистов-теоретиков присоединяют свои аргументы к движению за «смену вех». Представляется, что настало время систематизировать это интеллектуальное движение и попробовать уяснить смысл нарождающейся новой старой парадигмы и символизм предлагаемого ребрендинга.

Но прежде, чем приступить к анализу актуальной литературы, стоит напомнить, что в истории науки возврат назад далеко не всегда являлся срывом любителей научного «антиквариата» в архаику, а часто становился изящным манёвром по новому прочтению классического наследия, а по сути, новым рывком в развитии науки. Например, в 1865 г. немецкий философ Отто Либман выступил с книгой «Кант и эпигоны», в которой рефреном повторял лозунг «Назад к Канту!». Внешне это выглядело как консервативный отказ от новаций в философии. Но в итоге этот демарш оказался предтечей новой школы в философии, известной сейчас как неокантианство. Аналогичную реинкарнацию пережила и философия Гегеля в виде заметной философской школы неогегельянства. Релевантны ли эти примеры для политической экономии? Только отчасти.

Политическая экономия около 300 лет была общепринятым названием весьма авторитетной общественной науки и исторически вмещала в себя несколько научных школ, которые расцветали и увядали,

сменяли друг друга и сосуществовали в конкурентном режиме. При этом никогда экономическая наука не была полностью свободна от традиций социальной инженерии, от стремления советовать королям и премьер-министрам. Ранние политэкономы давали меркантилистские советы. Классическая же политическая экономия состоялась на основе агитации против монополий, привилегий, сословий и за свободу торговли. Весь период становления экономической науки разного рода долженствование было составной частью «ткани» науки, отражая определенный этап её зрелости.

Но к концу XIX века начинает доминировать устойчивая тенденция по разграничению экономического дискурса, по разделению чистой теории и прикладных наук, с одной стороны, и по обособлению анализа абстрактной рыночной экономики от обсуждения разнообразных проектов политического и социального реформирования, с другой. Этот целевой вектор трансформации на рубеже XIX и XX веков и был маркирован ребрендингом науки, которая сменила свое название с *The Political Economy* на *Economics* [7]. И если сам Альфред Маршалл – как инициатор нового наименования – использовал их как синонимы, то его последователи придали смене названия содержательный и принципиальный смысл.

После бурной эпохи между двумя мировыми войнами экономическая теория как бы завершила вековую дискуссию о дихотомии экономической науки и искусства управления, позитивности и нормативности и конституировала своё ядро как позитивную экономическую теорию. Наука выделила в «отдельное производство» весь дискурс о том, что **должно** и **может быть**, и декларативно ограничилась тем, что **есть**. При этом отстранилась от эмпирической действительности, а занялась доказательством теорем с условными и абстрактными предпосылками, редуцировав существующую реальность до **условно сущей**. Тем самым имплицитно было принято допущение, что принципиальная неопределенность истории развития человечества устранена, наступил «конец истории», мы как бы знаем нашу конечную цель: она состоит в совершенной конкуренции эгоистических индивидов, которые максимизируют свою полезность в условиях общего рыночного равновесия. А задача теории – предоставить научное обоснование внеисторической оптимальности этой гипотетической модели, обоснование отклонений от неё и инструменты приближения к идеалу¹.

Таким образом, наука о теоремах оптимизации существующего рыночного хозяйства стала называться *Economics*, а всякого рода рассуждения о должном и возможном было предложено рассматривать

¹ В дальнейшем мы эту позицию будем для краткости характеризовать как рыночный фундаментализм

либо как околонучную публицистику, либо как сферу особых научных дисциплин – на теоретическом уровне *Политической экономии*, а на практическом уровне – *Экономической политики*. С самого начала становления *Economícs* она позиционировалась ни как особая школа экономической теории, а как универсальная норма действительно научной экономической теории вообще, как профессиональный стандарт научного теоретического анализа в экономике, т.е. как научная парадигма. Изъятие политических коннотаций из ядра экономической теории преподносилось как свидетельство её академической непредвзятости и классовой неангажированности, в конечном счете, существенной предпосылкой итоговой научности.

Развернувшаяся вскоре – с подачи логических позитивистов – дискуссия о границах научного знания выявила реальный потенциал ребрендинга. Стремление философов и экономистов найти объективные критерии разграничения науки в строгом смысле слова и околонучного дискурса вокруг научных проблем нашло в этих названиях идеальные маркеры для проведения границ. Так *Политическая экономия* стала трактоваться как нормативная, политически ориентированная наука с существенным (иногда доминирующим) влиянием той или иной (как правило, радикальной) идеологии. *Economícs* же – в противовес – настойчиво декларировалась как позитивная наука.

Закреплению этой демаркации весьма способствовали конкретно-исторические обстоятельства начала XX века. С одной стороны, военное поражение Германской империи в Первой мировой войне привело – в том числе – к пресечению ключевых институтов немецкой университетской традиции. Прекратил существование Союз социальной политики Густава Шмоллера, который был институциональной платформой новой исторической школы [13]. Упадок последней как бы сам собой завершил знаменитый спор о методах, Макс Вебер – как послевоенный лидер немецких экономистов – оставил экономическую теорию ради создаваемой им новой науки – *der verstehenden Soziologie (понимающей социологии)* [5]. Методологическая полемика о допустимости и эвристической ценности абстрактного экономического теоретизирования сошла на нет. Английский Кембридж оказался на Олимпе экономической теории с практически монопольными правами на истину. Именно поэтому идеи Маршалла стали восприниматься как универсальный канон для экономической теории.

С другой стороны, революционный триумф марксизма в Советской России и развертывание практики государственного социализма привели к окончательному взаимному отчуждению классической научной школы и марксизма в экономической теории вплоть до априорного отказа оппонентам в научности их альтернативных подходов. Марксистско-ленинская политическая экономия стала рассматриваться на Западе как вариация идеологии (т.е. как не наука по

определению). В свою очередь, советские марксисты стали настаивать на клише вульгарной апологетики применительно к мейнстриму *Economics*. Конфликтно конкурентное сосуществование двух экономических систем на протяжении большей части XX века только канонизировало этот раскол между *Economics* и *Политической экономией*, которая стала трактоваться практически как исключительно марксистская.

В этом контексте становится предельно понятно почему радикальные рыночные реформы в России сопровождались отказом от бренда *Политическая экономия* и повсеместным использованием названий *Микроэкономика* и *Макроэкономика* для того корпуса знаний, которым стали ограничивать экономическую теорию. Закономерно и то, что утрата иллюзий в отношении безальтернативности шоковой рыночной трансформации по лекалам Вашингтонского консенсуса вызвала к жизни устойчивое чувство ностальгии по *Политической экономике*. Агитация за обратный ребрендинг экономической теории стала формой скрытой фронды в период официального доминирования либеральной идеологии, а в ситуации остракизма либерализма стала преподноситься как символ национального возрождения российской экономической науки.

При всей относительной солидарности участников движения за политэкономическую переориентацию российской экономической науки в этом движении следует различать несколько конкурирующих идей:

Во-первых, следует отметить сторонников возврата к ортодоксальной марксистской политической экономии, с очевидной оговоркой о творческом развитии марксистской доктрины [2].

Во-вторых, следует выделить идею пост- и неомарксистского синтеза (с различным набором научных школ и доктрин для потенциального «сплава») [10, 12].

В-третьих, выделяется направление, которое агитирует за принципиальную новацию, которая представляется как органическое развитие политэкономической традиции на объективной основе очередной технологической революции [1]

Критика движения за реставрацию политической экономии не менее разнопланова, чем и само движение. Ключевой аргумент против состоит в утверждении о неконкурентоспособности политэкономической доктрины в ее нынешнем состоянии по сравнению с *Economics* как теоретического ядра современного экономического знания. Трудности с определением общей позитивной программы противостояния *Economics* подводят нас к принципиальному вопросу.

Является ли идея отрицания *Economics* действительно рациональным и научно-обоснованным вариантом переориентации экономической теории?

Для корректного ответа на этот вопрос следует вернуться к переоценке изначального ребрендинга *The Political Economy* в *Economics*.

Традиционная характеристика этого явления в западной литературе сводит его к достижению естественного этапа зрелости экономической теории, когда она становится позитивной, избавившейся от политических и идеологических вкраплений и коннотаций, наукой. С точки зрения же адептов политической экономии, это событие оценивается как фундаментальный сдвиг в сторону идеологической (в данном случае буржуазной) апологетики. Не трудно заметить, что эти оценки антагонистичны и как бы зеркально отражают друг друга. По прошествии времен становится очевидным, что они обе грешат абсолютизацией и декларативностью.

Наверное, следует признать, что обе научные традиции, несмотря на принципиальные отличия, остались системами **научного** знания. Да, их утверждения о своей **исключительной** научности можно и нужно квалифицировать как проявления полемического запала. И *Политическая экономия* была идеологизирована, перегружена существенным массивом предпосылок, которые были выведены из-под процедуры научной критики. Но и *Economics* не была свободна от ряда нормативных предпосылок, которые имплицитно принимались как вечные истины, которые в силу их фундаментальной абстрактности не могли попасть под процедуру фальсификации.

Пожалуй, в наиболее явной форме фундаментальное различие двух доктрин сформулировал Карл Поппер в «Нищете историцизма» [8]. Оно было представлено как отрицание якобы имманентно присущего марксизму *историцизма* и *холизма*. Как известно, марксизм настаивает на том, что общество развивается как единое целое – как диалектически противоречивое единство производительных сил и производственных отношений – на основе объективных законов. Общество проходит ряд исторических стадий развития, которые можно познать и перспективы этого развития в известных пределах предсказать. Именно эту фундаментальную установку Поппер и заклеил как *историцизм* и *холизм*. И справедливости ради, следует сказать, что в его критике нормативных предпосылок марксизма были заслуживающие внимания основания. Действительно, та форма понимания принципов общности и историзма, которая была канонизирована в рамках марксизма с практическим отрицанием индивидуализма и частной инициативы и с декларацией «железной» неизбежности коммунизма, была заблуждением и не выдержала верификации реальной историей. Но фальсификация этих конкретных трактовок не означала фальсификации самих принципов общности и историзма. И тем более, эта фальсификация не давала оснований для радикальной нормативной «смены вех», когда вместо принципов общности и историзма были канонизированы принципы индивидуализма и рыночного фундаментализма.

Таким образом, отрицание принципов историцизма и холизма не является научно доказанной фальсификацией принципов общности и

историзма, которые стали частью научного дискурса до Маркса, остаются предметом научных исследований после него и совершенно не исчерпываются марксизмом. Поэтому, их подмена принципами индивидуализма и рыночного фундаментализма является некорректной. Ибо фальсификация одной теории, сформулированной на основе тех или иных принципов, не означает невозможности формулировки иных научных гипотез, которые не будут являться *a priori* опровергнутыми, и, строго говоря, подлежат специальной фальсификации.

Следовательно, будет точнее характеризовать выделение *Economics* не как возникновение альтернативной, единственно научной формы экономической теории, а как **удвоение научных парадигм**. *Economics* ограничила себя исключительно проблематикой оптимизации рыночной экономики (приняв в качестве нормативной предпосылки тезис о вечности рынка), отрицая саму постановку вопроса о развитии экономических систем в различных формах социализации как ненаучную. Но сама идея развития экономических систем не перестала от этого быть предметом научного дискурса. Да, она оказалась сильно дискредитирована коммунистической идеологией. Но под вековой «шелухой» догматики осталось фундаментальное знание, что все течет и все изменяется, остались громадные массивы научной информации о дорыночных и нерыночных формах хозяйствования, наконец, остались реально наблюдаемые феномены социализации экономической жизни современного общества. А это значит, что предмет научного познания сохранился. И нежелание какой-либо научной парадигмы включать его в свой периметр не отрицает возможности научного изучения этой проблематики и, следовательно, формирования ещё одной – субсидиарной – научной парадигмы.

Ситуация сосуществования парадигм не является уникальной в истории науки. Даже не выходя за рамки истории экономической мысли, можно вспомнить вековой спор между английской *The Political Economy* и немецкой *Die Volkswirtschaft*, которые отстаивали научный приоритет своих методов исследования, формируя особые принципы нормальности, которые конкурировали друг с другом. Уровень взаимного неприятия научной методологии конкурентов был настолько фундаментален, что можно говорить о сосуществовании в XIX в. двух парадигм экономического анализа. Приоритет дедукции, которого придерживались политэкономы, не принимался авторами, работавшими в научной традиции народного хозяйства, и наоборот. Стремлением доказать оппонентам свою абсолютную правоту был продиктован знаменитый Спор о методах. Наряду с конфронтацией, в обоих лагерях искали возможности для синтеза конкурирующих методологий. Спор, к сожалению, так и остался в научном смысле незавершенным. Упадок *Die Volkswirtschaft* лежал вне собственно научных причин и был обусловлен общественно-политической ситуацией после Первой

мировой войны. Но упадок научной школы не тождественен отрицанию научной парадигмы, на которой она основывалась.

Нетривиальность проблемы разграничения научных школ и научных парадигм подчеркивает обращение к такому эпохальному учению как марксизм. Полное название главного труд К. Маркса, как известно, было «Капитал. Критика политической экономии». И эта критика была многогранной. Маркс, характеризуя современную ему политическую экономию как идеологическую апологетику, критиковал не только классовые предрассудки и логические изъяны в построениях классиков, сколько фундаментальные принципы их доктрин, то, что сегодня мы бы назвали парадигмой экономической науки. И его альтернативная доктрина была не только иной научной школой и альтернативной идеологией, но и особой научной парадигмой. Идеологический догмат априорной истинности марксизма долгие годы мешал дифференцировать эти слои его доктрины. Но годы реальной истории позволяют сегодня отделить их друг от друга. И выделение именно парадигмального уровня представляется наиболее продуктивным как для развития научного знания, так и для вариантов возможного синтеза научных школ.

Наконец, настало время вернуться к вопросу об обоснованности идеи замещения *Economics* модернизированной версией политической экономии. Исходя из вышеизложенного, наш ответ будет – нет. И не только потому, что замещать по большому счету нечем. А потому, что эта идея будет противоречить исторической традиции развития экономического знания. По сути, уже в XIX веке сложилась ситуация субсидиарного сосуществования нескольких научных парадигм. Да, парадигма *Economics* доминировала, но альтернативная научная парадигма не исчезла. В её рамках работали и работают многие ученые, сосуществуют значительные научные школы. И она, конкурируя с *Economics* за влияние, всегда настаивала на отличие своего предмета и методов исследования. Между двумя этими научными направлениями нет китайской стены. Есть смежные вопросы и предметные пересечения. Предпринимаются значимые попытки к поиску синтетической концепции [11]. Но сосуществование парадигм остается фактом. И этот факт невозможно преодолеть простым отрицанием конкурента, его номинальным замещением в рамках национальных юрисдикций. Пусть *Economics* остается с теоремами оптимизации функционирования рыночного хозяйства. Но экономистам, занимающимся вопросами развития экономических систем, нужно также признать наличие объединяющей их научной парадигмы. При всем многообразии научных школ, концепций и идей.

Но если признать существование такой парадигмы, тогда встает вопрос названия. И если трактовать эту парадигму как субсидиарную по отношению к *Economics*, тогда использование названия *Политическая*

экономия не представляется идеальным. Дело в том, что *Политическая экономия* – это исторически конкретный этап существования экономической теории, когда она ещё не делала различий между своими нормативными и позитивными началами, когда она полагала возможным совмещение анализа проблем функционирования и развития экономической системы, когда она достаточно спокойно относилась к переходам в анализе от сущего к должному и наоборот. Сегодня подобное непосредственное тождество невозможно. Смысл перехода к названию *Economics* как раз и состоял в том, чтобы маркировать уход от этого тождества. И предлагая обособить часть научного дискурса вокруг проблем исторического развития экономических систем, мы также не должны возвращаться в исходное состояние, отрицая научные достижения *Economics*. Именно поэтому, название *Политическая экономия* целесообразно оставить истории и предложить новое название. На наш взгляд, наиболее удачным является название *Экономическая политология*. Почему? Во-первых, потому что оно указывает на безусловно теоретический характер науки. Во-вторых, содержание дисциплины максимально точно отражает синтез фундаментальных экономических и политических начал, вне взаимодействия которых невозможен анализ экономического развития. В-третьих, в экономической литературе это название – как не удивительно – пока всерьёз не «застолблено» [14].

Есть ли альтернативные варианты названия? Пожалуй, можно было бы порассуждать вокруг названия *Теория экономических систем*. Но оно существенно менее предпочтительно. Почему? Во-первых, мы говорим не о научной теории, а о научной парадигме. *Economics* – это ведь тоже не отдельная теория, а целая научная платформа, особый способ экономического теоретизирования, который и получил специальное определение научной парадигмы. Во-вторых, строго говоря, анализировать тематику экономического развития можно не только в рамках концепта экономических систем, но и в виде теории общественно-экономических формаций, или в рамках гипотезы локальных цивилизаций. Все эти (и возможно иные) теоретические концепты уже сегодня сосуществуют в конкурентном пространстве современной науки. И было бы правильно для маркировки парадигмы не использовать содержательно нагруженное определение, которое уже сегодня конкурирует с другими теориями в трактовке своего предмета.

Итак, подведем итоги.

На взгляд автора, в основе идеи возврата к бренду *Политическая экономия* лежит совершенно обоснованное несогласие с выведением в рамках *Economics* за рамки научного дискурса тематики исторического развития экономических систем, тематики становления рыночных отношений и их развития в различных формах социализации. При этом следует признать научные достижения *Economics* в разработке тематики

функционирования рыночного хозяйства, что обуславливает обоснованность постановки вопроса не об отрицании парадигмы *Economic*, а о выдвижении гипотезы субсидиарной по отношению к ней научной парадигмы. Представляется, что удачным названием для нее было бы – *Экономическая политология*. Последняя уже сегодня могла бы объединить несколько научных школ (направлений, теорий) и в перспективе стать открытой научной платформой для всех исследователей, которые сосредоточены на проблематике теоретической интерпретации глобальных исторических закономерностей экономического развития.

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Ноономика / Монография / М.: Культурная революция, 2018.
2. Бузгалин А.В. Закат неолиберализма (К 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. №2. С. 122–144.
3. Бузгалин А. Классическая политэкономия: путь в университеты // Вопросы политической экономии. 2015. №1. С. 8–23.
4. Бузгалин А.В., Глазьев С.Ю. Российское образование в области экономической теории: необходимое обновление // Российский экономический журнал. 2022. №5. С. 4–21.
5. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст] : в 4-х т. Т. I–IV. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016–2019.
6. Лавров В.Н., Пономарева С.И. О преподавании марксистской политической экономии: дискуссионные вопросы // Экономическая теория. 2018. Т. 15. №4. С. 649–653.
7. Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3-х т. Т. 1. М.: Прогресс, 1993.
8. Поппер К. Нищета историцизма. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993.
9. Пороховский А.А. Политическая экономия – основа и стержень экономической теории // Экономист. 2012. № 1. С. 61–73.
10. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб: Алетейя, 2019.
11. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Издал. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2005.
12. Цаголов Г.Н. Политэкономия будущего // Вопросы политической экономии. 2015. №2. С. 39–51.
13. Шмоллер Г. Наука о народном хозяйстве. Ее предмет и метод: / пер. с нем. Г. Шмоллер. Москва: Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1897.
14. Экономическая теория и политология: игнорирование, конкуренция или сотрудничество? [Текст] / под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: «Леонтьевский центр», 2016.

Об авторе:

ФЁДОРОВ Валерий Петрович – доктор экономических наук, доцент кафедры национальной экономики и экономического

регулирования, Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений (университет) (143007, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3); e-mail: valpetrfed@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9429-7367, Spin-код: 6953-9368.

BACK TO POLITICAL ECONOMY?

V.P. Fedorov

Moscow State Institute of International Relations (University), Odintsovo, Russia

The article considers the movement in the economic science of Russia to restore political economy as the official norm of theorizing. The purpose of the work is to assess the scientific validity and feasibility of crowding out *Economics* from its now monopoly positions. The scientific novelty is represented by the author's new concept of subsidiary scientific paradigms and the author's proposal – not to return to the *Political Economy* brand, but to designate the subsidiary *Economics* scientific platform as *The Economical Politology*.

Keywords: *The Political Economy, Economics, Paradigm, The Economical Politology.*

About the author:

FEDOROV Valerij Petrovich – Doctor of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of National Economic & Economic Regulation, Odintsovo Branch of the Moscow State Institute of International Relations (University) (3 Novo-Sportivnaya St., Odintsovo, Moscow Region, 143007); e-mail: valpetrfed@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9429-7367, Spin-код: 6953-9368.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024 г.

Статья подписана в печать 20.06.2024 г.